

А. Г. Кравецкий

Альтернативные системы в истории русской письменности XVIII—XIX вв.

Говоря о русской письменности середины XVIII — начала XX в., мы как правило принимаем в расчет лишь тексты, написанные на русском литературном языке. Действительно, именно этот пласт письменности лег в основу культуры нового времени. Вплоть до начала XX в. то, что мы называем русской культурой нового времени, являлось культурой социальной и/или интеллектуальной элиты, а не общенациональной культурой. Аудитория, которой была адресована, например, дискуссия карамзинистов и шишковистов, была ничтожно мала по отношению к общему числу грамотного населения России.

Если для средневековой Руси необходимость адекватного описания языковой ситуации давно осознана, то по отношению к XVIII — началу XX в. такая проблема даже не ставилась. В ходе настоящей работы мы попытаемся ответить на вопрос о том, какие письменные языки имели распространение в России указанного периода и какова была степень их распространения, понятности и нормированности.

Среди изданий, распространявшихся значительными тиражами, можно выделить три типа текстов: тексты на русском литературном языке, тексты на церковнославянском языке и лубочные тексты. Весьма удобным кажется противопоставление типов письменности по технике печати. Дело в том, что тексты, изданные наборным способом, всегда были под достаточно жестким контролем государственных или синодальных структур, которые следили, в частности, и за языковой правильностью. В то же время языковая правильность цельногравированных (лубочных) изданий интересовала цензоров значительно меньше.

Что касается текстов, издаваемых типографским способом, то здесь уместно противопоставить издания гражданской и церковной печати. В большинстве случаев гражданская азбука соответствовала новому русскому литературному языку, а церковная печать — церковнославянскому. По крайней мере в сознании читате-

лей гражданский шрифт устойчиво ассоциировался с русским литературным языком, а церковная печать — с церковнославянским¹.

1. Языковая компетентность и тип образования

Книга всегда адресована определенной аудитории. При этом языковая квалификация носителя русского языка зависит от типа полученного им образования. Тип образования формировал два противоположных полюса. На одном полюсе находились те, кто получил домашнее образование по традиционной модели². На другом — лица, закончившие средние и высшие учебные заведения.

О существовании в XIX — начале XX в. системы обучения грамоте по церковнославянскому букварю, Часослову и Псалтири хорошо известно из этнографических описаний и мемуаров. При таком обучении учащийся заучивал названия букв, затем учился составлению из них слогов (буки + аз — ба, буки + люди + аз — бла). Сначала слова читались «по складам», а затем — «по верхам» (т. е. без названий букв). В процессе такого обучения дети заучивали наизусть значительный объем текстов (молитвы Часослова, Псалтирь и т. д.). В воспоминаниях, написанных выходцами из крестьян и городских мещан, можно найти много свидетельств того, что обучение грамоте по Часослову и Псалтири и чтение по складам было распространено очень широко³. Об этом свидетельствуют и этнографы. Интересные материалы о системе обучения и круге чтения крестьян приводит М. М. Громыко [Громыко 1991: 273—318]. К сожалению, в ее работе даже не ставится вопрос о том, на каком языке происходит обучение, хотя, судя по описанию процесса обучения и названиям учебных книг, речь идет о традиционном обучении церковнославянской, а не русской грамоте. Получивший традиционное образование человек мог читать богослужебные и

¹ На самом деле соотнесенность полиграфических свойств издания и языковых особенностей текста иногда нарушалась. Гражданским шрифтом могли печататься и тексты, написанные на гибридном церковнославянском языке. В свою очередь тексты, написанные на русском литературном языке (например, газетные сообщения о стихийных бедствиях), могли перепечатываться в лубочном варианте церковной кириллицей. Церковнославянские тексты иногда набирались гражданским шрифтом (достаточно широкое распространение имели молитвословы, напечатанные гражданским шрифтом).

² Говоря о традиционной образовательной модели, мы имеем в виду обучение чтению по Часослову и Псалтири, которое было чрезвычайно широко распространено вплоть до реализации в 20-х годах XX в. программы ликвидации неграмотности.

³ См. [Кравецкий, Плетнева 2001: 25—30; Кравецкий 1999].

лубочные книги, но далеко не всегда понимал язык произведений русской классической литературы.

Другой тип образования был ориентирован на русский и европейские языки. При этом начальное образование строилось по иной модели: обучение чтению велось на русском языке, а церковнославянский язык изучался как классический. В результате, закончив гимназию, человек становился читателем русской (и европейской) литературы, а церковнославянские тексты вызывали у него определенные трудности.

Говоря о языковой ситуации в России XIX—начала XX в., не следует забывать, что, согласно данным переписи населения 1897 г., среди носителей русского языка образование выше начального⁴ получили 1,47% мужчин и 0,96% женщин⁵ [Общий свод II: XXXVI]. Русский литературный язык был социальным диалектом этих 0,96—1,47% населения страны. Круг потенциальных читателей русской классической литературы был намного шире.

Промежуточное положение занимали те, кто получил начальное образование в государственной, земской или церковно-приходской школе. Организованная государством система начального образования постепенно эволюционировала от традиционной модели к европейской. По идее, задачей начального образования являлось приобщение учащихся к европейской культурной модели и, соответственно, к гражданской азбуке и новой русской литературе. Однако в зависимости от местных условий традиционный элемент в образовании мог превалировать.

2. Языковой стандарт, задаваемый учебными книгами

Подавляющее большинство грамотных носителей русского языка учились читать по традиционной модели, поэтому имеет смысл остановиться на том, какие именно книги использовались при обучении.

Учение осуществлялось по книгам церковной печати, большая часть которых была напечатана в синодальных типографиях. Как

⁴ «На вопрос “Где обучался или кончил курс образования” следовало отвечать: “дома”, “у причетника”, “у солдата”, “в полку”, “в 2-классном училище Министерства народного просвещения”, “в земской одноклассной школе”, “в церковно-приходской школе”, “в городском училище”, “в гимназии”, “в женском институте”, “в духовной академии” и т. д.» [Наставление I: 23—24; Наставление II: 17—18].

⁵ Из них 97,5% получили среднее образование, причем подавляющее большинство людей, получивших образование выше начального, жило в городах [Общий свод I: XVIII].

известно, сотрудники типографий, осуществлявшие редактирование богослужебных книг, стремились к унификации церковнославянского языка. Однако на практике даже среди текстов, входящих в основной круг богослужебных книг (Служебное Евангелие и Апостол, Служебник, Требник, Октоих, Триоди, Минеи), обнаруживаются тексты, заметно отличающиеся друг от друга в языковом отношении⁶.

Первой книгой для чтения был Букварь, в процессе изучения которого ребенка учили не столько понимать текст, сколько правильно читать его вслух. Именно поэтому основное место на начальной стадии обучения занимало чтение по складам, в результате чего приобретался навык произнесения вслух различных буквенных сочетаний⁷. Затем читался Часослов, Псалтирь, Евангелие. Переход от одной книги к другой сопровождался определенным ритуалом. Во многих регионах при перемене книги ученик приносил на занятие горшок каши для учащихся и деньги для учителя⁸. Отдельной проблемой является то, какие именно буквари, часословы и псалтири использовались в процессе обучения. По всей видимости, состав этих книг был довольно пестрым. Кроме пособий, прошедших духовную цензуру, которая следила за тем, чтобы эти издания не противоречили грамматической и орфографической норме, использовались и лубочные (цельногравированные) издания⁹, за орфографической правильностью которых никто не следил. В качестве учебной книги мог использоваться, например, Букварь Кариона Истомина [Лукьяненко 1981: 8], переиздававшийся и в начале XIX в.¹⁰

Таким образом, при традиционном начальном обучении церковнославянскому языку учащийся мог столкнуться с книгами, которые относились к разным редакциям, грамматическим и орфо-

⁶ Формирование этого корпуса богослужебных книг, редактирование которого в основном завершилось в начале XVIII в., практически не исследовано. Однако даже беглое сравнение языка славянского Служебника с языком Октоиха демонстрирует значительную разницу. О разнотечениях между иерейским и архиерейским служебниками см. [Дмитриевский 1912: 182—196].

⁷ Описание чтения по складам у старообрядцев см. [Успенский 1997: 246—288].

⁸ Подробнее см. [Громыко 1991: 276; Кравецкий, Плетнева 2001: 25—30].

⁹ Описания лубочных букварей, появившихся в XVII—первой трети XIX в. см. [Ровинский 1881: 2: 483—518]. Для более позднего времени подобного сводного каталога не существует.

¹⁰ Экземпляр перепечатки Букваря Кариона Истомина, осуществленной в начале XIX в., имеется в собрании А. Н. Бурганова. Пользуюсь случаем поблагодарить И. В. Поздееву и А. Лишницу за помощь в датировке этого издания.

графическим традициям. Однако относительно «читательских» представлений о правильности текста эти различия не имели никакого значения. Грамотные крестьяне не подозревали ни об отличиях книг церковной печати Москвы и Киева, ни о различиях между изданиями XVII и начала XX в. Рядом с Букварем Кариона Истомина на столе учителя мог находиться Часослов, изданный Московской синодальной типографией.

Присущий учебной литературе разнобой допускался даже в изданиях, выпускаемых синодальными типографиями. Если для остальных книг церковной печати ставилась задача максимальной унификации изданий в текстологическом, грамматическом и орфографическом отношениях, то при издании учебной литературы это правило могло нарушаться. Так, в 70—80-е годы XIX в. Московская синодальная типография печатает подготовленные Николаем Ильминским Учебный Октоих, Учебный Часослов и Учебную Псалтирь, язык которых несколько отличался от языка стандартных богослужебных книг¹¹. То есть разнообразие пособий и редакций, по которым происходило начальное обучение, воспринималось как данность и не казалось нежелательным.

3. Что читали грамотные крестьяне

По свидетельству Рачинского, который в 1867 г. основал в своем имении школу для крестьянских детей, его ученики испытывали серьезные трудности при чтении произведений русской классической литературы и в то же время хорошо понимали как церковнославянские тексты, так и славянизированные переводы начала XIX в. «Имею случай много читать с ними, много говорить с ними о том, что они читают, — писал он. — Что же делать, если вся наша поддельная народная литература претит им, и мы принуждены обращаться к литературе настоящей, неподдельной? Если при этом оказывается, что Некрасов и Островский им в горло не лезут, а следят они с замиранием сердца за терзанием Брута, за гибелью Корiolана? Если мильтоновский сатана им понятнее Павла Ивановича Чичикова? («Потерянного рая» я и не думал заводить, они сами притащили его в школу). Если «Записки охотника», этот перл го-

¹¹ Николай Ильминский был сторонником архаизации языка богослужебных книг. Он полагал, что приближенный к древнейшей (в идеале — кирилло-мефодиевской) редакции язык богослужебных книг будет более понятен верующим, чем языки послениконовских богослужебных книг. Лингвистическая программа Н. Ильминского изложена в его книгах [Ильминский 1882; 1886]. (См. также: [Кравецкий, Плетнева 2001: 45—50; 2003].) В настоящее время мы готовим подробное описание истории подготовки этих изданий.

голевского периода, по прозрачной красоте формы принадлежащий пушкинскому, оставляет их равнодушными, а "Ундину" Жуковского с первых стихов овладевает ими? Если им легче проникнуть с Гомером в греческий Олимп, чем с Гоголем в быт петербургских чиновников?» [Рачинский 1991: 48]. Это свидетельство — не курьез, а фиксация реальной ситуации. Крестьяне легко читали Библию и испытывали затруднения при чтении текстов, написанных на русском литературном языке. В этой связи весьма показательным является осуществленный в XIX в. перевод Библии на русский язык. Читателями этой книги были в первую очередь не грамотеи из народа¹², а представители социальных верхов, которые до этого читали Библию на европейских языках, а не по-славянски.

Мы достаточно точно можем составить языковой портрет читателя произведений русской классической литературы, однако, как уже было сказано выше, число этих людей не превышало 1,5% от общего населения России. Материалов же для анализа читательского опыта подавляющего большинства населения страны у нас мало, поскольку мы не имеем хорошего описания языка богослужебных книг, а язык лубочной литературы не описан вообще. История этих двух составляющих библиотеки грамотного крестьянина совершенно различна.

Богослужебные книги подвергались сознательному редактированию, касающемуся в том числе и языка. Существовала достаточно сложная процедура утверждения любых изменений, вносимых в эти книги. Все это вело к тому, что в языковом отношении эти тексты подвергались значительной унификации.

Совершенно иную картину дает язык лубка. В отличие от наборных изданий гравированные книги почти не подвергались цензуре. Лубочная письменность оказывается куда более пестрой. Наряду со сказками, былинами, описаниями святых мест и т. д. мы обнаруживаем здесь и тексты, первоначально написанные на церковнославянском или русском литературном языке и адаптированные применительно к восприятию получивших традиционное образование крестьян¹³. С одной стороны, в лубочном виде воспроизводятся библейские и богослужебные тексты, а с другой — газетные сообщения¹⁴ или тексты русской классической литературы¹⁵.

¹² И. А. Чистович, утверждавший, что перевод Библии на русский язык был с восторгом принят представителями всех сословий [Чистович 1899: 46—47 и др.], не приводит материала, который подтверждал бы это утверждение.

¹³ См. [Плетнева 2001; 2001a].

¹⁴ См. [Ровинский 1881 2: № 309—365].

¹⁵ См., например, [Клепиков 1949].

4. Разрушение системы

Описанная языковая ситуация оставалась стабильной до тех пор, пока сохранялась традиционная система обучения грамоте. Постепенное внедрение в начальную школу новых методик в принципе должно было привести к разрушению всей системы. Заметным толчком в этом направлении стало так называемое «хождение в народ».

Еще в начале 70-х годов будущие народники Г. А. Лопатин и Ф. В. Волховский пытались создать общество странствующих народных учителей, которые, переходя с одного места на другое, могли бы обучать крестьянских детей, не организуя постоянных школ. Параллельно с обучением детей учителя должны были беседовать с жителями села на исторические и политические темы [Малиновский 1926: 19]. Народники, иначе говоря, пытались примкнуть к уже существующему институту странствующих учителей¹⁶ и использовать его для совершенно иных целей. Мы не знаем, чему и как учили детей Г. А. Лопатин и Ф. В. Волховский, однако известно, что народники начинали не с церковнославянской грамоты, а с русской, причем, отказавшись от привычного чтения по складам, пользовались модным в ту эпоху «звуковым методом» обучения грамоте.

Практические результаты «хождения в народ» были ничтожны, однако это движение сделало педагогическую проблематику модной среди демократической молодежи. Полемика о народном образовании и народной школе продолжалась вплоть до революции. Выработанная демократической общественностью программа реформы начального образования была реализована лишь в 20-е годы XX в. в ходе кампании по ликвидации неграмотности.

Творцы государственной программы ликвидации неграмотности ориентировались в своей деятельности на элитарный вариант культуры, не считаясь с традиционными образовательными моделями. Текстами для заучивания теперь стали произведения авторов русской классической литературы (это практикуется и сегодня). В процессе обучения насаждалась единая языковая норма (в том числе и фонетическая), ни в коей мере не соотносящаяся с тем диалектом, на котором говорили ученики.

* * *

Говоря о языковой ситуации России XVIII—XIX вв., необходимо иметь в виду, что русским литературным языком владеланич-

¹⁶ О странствующих учителях см. [Громыко 1991: 286—293].

тоже малая часть населения страны. Для подавляющего большинства грамотного населения России церковнославянский язык был более понятным, чем русский литературный. Лишь в результате кампании по ликвидации неграмотности восторжествовала та образовательная модель, которая является стандартной и в настоящее время. Тогда же начинает формироваться и та языковая ситуация, которую мы имеем в настоящее время. Перенос современной языковой ситуации на Россию XVIII—XIX вв. заставляет говорить о языке богослужебных книг и лубочной литературы как о периферийных явлениях в истории письменного языка, хотя для этого времени корректнее было бы рассматривать как периферию русский литературный язык.

Л и т е р а т у р а

Громыко 1991 — Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

Дмитриевский 1912 — Дмитриевский А.А. Отзыв о сочинении М. М. Орлова «Литургия св. Василия Великого» // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых императорской Академией Наук. Отчеты за 1909 г. СПб., 1912. С. 176—347.

Ильминский 1882 — Ильминский Н.И. Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия. Казань, 1882.

Ильминский 1886 — Ильминский Н.И. Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций. СПб., 1886.

Клепиков 1949 — А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке. / Научное описание, комментарии и вступительная статья С. А. Клепикова. М., 1949.

Кравецкий 1999 — Церковнославянский язык как предмет этнографии // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М. 1999. С. 228—242.

Кравецкий, Плетнева 2001 — Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. Церковнославянский язык в России (конец XIX—XX вв.). М., 2001.

Кравецкий, Плетнева 2003 — Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. К вопросу о формировании учебной редакции богослужебных книг // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002. М., 2003 (в печати).

Лукьяненко 1981 — Лукьяненко В.И. У истоков русского букваря. — БУК-ВАРЬ составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниним, отпечатан в 1694 году в Москве. Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1981.

Малиновский 1926 — Малиновский Н. Народный учитель в революционном движении. М., 1926.

Наставление I — Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наставление сельским счетчикам. Б/м., 1896.

Наставление II — Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Наставление городским счетчикам. Б/м., 1896.

Общий свод I—II — Первая всеобщая перепись... Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения. Ч. 1—2. СПб., 1905.

Плетнева 2001 — Плетнева А.А. Социолингвистика и проблемы истории русского языка XVIII—XIX веков // Жизнь языка. Сб. статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., 2001. С. 269—279.

Плетнева 2001а — Плетнева А.А. Образ России в лубочной традиции // Образы России в научном, художественном и публицистическом дискурсе. Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 2001. С. 50—57.

Рачинский 1991 — Рачинский С.А. Сельская школа: Сборник статей. М., 1991.

Ровинский 1881 — Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т. 1—5. СПб., 1881.

Успенский 1997 — Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание. М., 1997.

Чистович 1899 — Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

ББК 81.2
C47

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *В. М. Живов*,
член-корреспондент РАН *А. М. Молдован* (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН *Т. М. Николаева*

C47 Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.) (Отд. ист.-филол. наук РАН; Национальный комитет славистов Российской Федерации) / Отв. ред. А. М. Молдован. М. : Институт русского языка РАН, 2003 – 384 с.

ISBN 5-88744-046-5

ББК 81.2

За аутентичность цитат ответственность несут авторы статей

ISBN 5-88744-046-5

© Авторы статей
© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2003